
Эрика Сандлер
Украденная невеста дракона

Эрика Сандлер

Украденная невеста дракона

https://litres.ru/74703303
SelfPub; 2026

Аннотация

Она — леди Изабелла Штольцкая. Холодная. Непреступная. Женщина, которая давно похоронила в себе всё, что могло чувствовать.

Он — Ардрех, Владыка Пламени. Последний дракон. Тысячу лет одиночества, огня и презрения к тем, кто падает на колени.

Когда он приходит за долгом её отца и забирает её в своё логово, он ждёт слёз, мольбы, покорности. Он получает ледяной взгляд и одно слово: «Нет».

Она не боится его. Не отступает. Не ломается. И это сводит его с ума.

Он даёт ей месяц, чтобы найти способ сбежать или убить его. Она принимает вызов. Начинается война — интеллектуальная, опасная, жестокая. Но чем дольше они сражаются друг с другом, тем яснее понимают: их главный враг — не другой. А то, что они оба так отчаянно прятали от мира.

Она может погасить его огонь одним касанием. Он может сжечь её мир дотла. Но настоящая катастрофа — это когда два одиночества встречаются. И ни одно не хочет отпускать.

Содержание

Глава 1. Зверь приходит за долгом	4
Глава 2. Дорога в логово	16
Глава 3. Золотая клетка	25
Глава 4. Испытание властью	32
Глава 5. Библиотека и условия	39
Глава 6. Первая трещина	48
Глава 7. Совместный ужин	59
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Эрика Сандлер Украденная невеста дракона

Глава 1. Зверь приходит за долгом

Небо над Штольцем было цвета запекшейся крови.

Изабелла стояла у окна своей башни, глядя, как тяжёлые тучи наползают на зубцы гор. Ветер швырял в стекло снег и мелкий лёд, и казалось, что сама зима пытается пробраться внутрь, чтобы выстудить последнее тепло из стен древнего замка. Внизу, во дворе, метались огни факелов. Слуги бегали, кричали, роняли вещи. Кто-то пытался закрыть ворота, но цепь сорвалась и с лязгом упала в снег.

Изабелла не двигалась.

Она знала, что он придёт сегодня. Знала уже три дня — с той минуты, как ворон с обгоревшим пером упал на под-

оконник её спальни. Птица была мертва, но на лапе блестела тонкая золотая проволока с печатью в виде драконьего зрачка. Отец когда-то рассказывал ей о таких знаках. Долговая метка. Приглашение. Приговор.

— Миледи, — в дверях появилась Марта, старая служанка, с лицом белым, как мел. — Он… он уже близко. Стража видела тень над ущельем. Огромная. Миледи, нужно уходить. Тайный ход, мы успеем.

Изабелла медленно обернулась. В её взгляде не было ни страха, ни паники. Только холодное, отточенное спокойствие, которое она оттачивала годами.

— Уходите все, — сказала она. — Через тайный ход. Возьмите детей, стариков, слуг. Кто может идти — пусть идёт. Кто не может — я не смогу защитить.

— А вы? — Марта сделала шаг вперёд, протягивая руки. — Миледи, вы не можете остаться. Он же… он же чудовище. Он сожжёт замок.

— Он пришёл не за замком, — Изабелла отвернулась к окну. — Он пришёл за мной.

— Тогда тем более! Бежим вместе!

— Марта. — Голос Изабеллы был ровным, как лезвие. — Если я уйду, он сожжёт деревни. Он найдёт нас. Всех. Ты знаешь, что такое драконий долг. Он не остановится, пока не получит своё. Я — цена. И я заплачу.

Служанка всхлипнула, но спорить не посмела. Изабелла слышала, как затихают шаги, как хлопает дверь, как в замке воцаряется тишина. Пустая, гулкая тишина. Только ветер выл в каминных трубах, и где-то внизу тревожно скрипели половицы.

Она осталась одна.

Изабелла подошла к кровати и открыла сундук. Внутри, на бархате, лежал кинжал. Не парадный, не украшенный камнями — простой, с тёмной рукоятью, удобно ложащийся в ладонь. Она взяла его, проверила баланс. Лезвие блеснуло в свете свечи. Она не собиралась убивать дракона. Но она собиралась умереть с оружием в руках, а не с мольбой на устах.

Она накинула плащ. Тёмно-серый, почти чёрный, без меха и вышивки. Волосы собрала в тугой узел на затылке. Никаких украшений. Никакой косметики. Она не будет выглядеть как жертва. Она будет выглядеть как та, кто пришла на

переговоры.

Грохот.

Замок содрогнулся. С потолка посыпалась пыль. Изабелла схватилась за спинку кровати, чтобы устоять. Второй удар — тяжелее. Третий — и она услышала, как лопается дерево главных ворот. Хруст, точно ломают кости. Затем — низкий, вибрирующий рык, от которого задрожали стёкла. Он был не просто громким. Он был первобытным. Он проникал под кожу, в самую кровь, заставляя инстинкты кричать: беги, прячься, молись.

Изабелла заставила себя сделать вдох. Медленный. Ровный.

Она вышла из комнаты и пошла вниз.

По лестнице, мимо тёмных гобеленов с историями её рода, мимо пустых доспехов, которые уже некому было носить. Её шаги звучали чётко и размеренно. Она не спешила. Она не позволяла себе спешить. Спешка — это страх. А страх — это то, чего он ждёт.

В большом зале было холодно. Камин погас, и только несколько свечей ещё горели, дрожа и отбрасывая длинные

тени. Изабелла прошла к трону — не села, просто встала рядом. Она не хотела выглядеть как правительница. Она хотела выглядеть как равная.

Двери распахнулись.

Не сами. Их сорвало с петель. Огромная тень заполнила проём, и в зал ворвался ветер, несущий запах пепла и раскалённого металла. Изабелла подняла глаза.

Он был в человеческом облике. Высокий, широкоплечий, с кожей, отливающей бронзой, и волосами цвета воронова крыла. На нём была чёрная туника, перетянутая ремнём, и плащ, который, казалось, жил своей жизнью — тяжёлый, тёмный, с багровыми прожилками. Но глаза… глаза выдавали его. Золотые, с вертикальным зрачком. Глаза хищника, который смотрит на добычу и уже знает, что она никуда не денется.

Он остановился в десяти шагах от неё. Оглядел зал. Пустые стулья, потухший камин, одинокую фигуру у трона. Уголок его губ дёрнулся.

— Леди Изабелла, — голос был глубоким, с лёгкой хрипотцой, от которой воздух в зале стал тяжелее. — Я ожидал большего сопротивления.

— Вы опоздали, — ответила она. — Сопротивление закончилось три часа назад. Все, кто мог, ушли. Осталась только я.

— Ушли? — он сделал шаг вперёд. — И ты не пошла с ними?

— Я не привыкла бегать.

Он усмехнулся. Не зло, скорее с любопытством. Он подошёл ещё ближе, и Изабелла ощутила жар, исходящий от его тела. Как от печи. Как от открытого огня.

— Ты знаешь, зачем я здесь, — сказал он. — Твой отец заключил договор. Кровь и пламя. Он получил силу, богатство, защиту. Он не вернул долг.

— Мой отец мёртв.

— Долги не умирают вместе с должниками. Так устроен мир. Ты — его кровь. Ты — его наследница. Ты — плата.

Изабелла выдержала его взгляд. Она не отвела глаз. Она не позволила себе даже моргнуть.

— Сколько?

Он моргнул. Первый раз за всё время.

— Что?

— Сколько? — повторила она. — Сколько жизней вы требуете? Сколько золота? Сколько земель? Назовите цену. Я заплачу.

— Ты не понимаешь, — его голос стал жёстче. — Я пришёл не за золотом. Я пришёл за тобой.

— Тогда зачем вам я? — она скрестила руки на груди. — Я не сокровище. Я не артефакт. Я не обладаю магией, которая могла бы вас заинтересовать. Я — леди обедневшего рода, чей замок стоит на краю мира. Что вам нужно?

Он молчал. Смотрел на неё так, словно пытался понять, где подвох. Люди обычно падали на колени. Люди обычно плакали. Люди обычно молили о пощаде. А эта… эта стояла прямо, и в её серых глазах не было ничего, кроме льда.

— Ты не боишься меня, — сказал он наконец.

— Боюсь, — честно ответила она. — Но это ничего не

меняет. Страх не заставит меня стать другой. Я не буду умолять. Я не буду плакать. Я не буду цепляться за ваши ноги. Если вы хотите меня — забирайте. Но вы не получите ни страха, ни поклона. Только тело. И, возможно, кинжал в спину, если представится случай.

Она сказала это спокойно. Без угрозы. Как факт. Он рассмеялся. Громко, раскатисто, и от этого смеха с потолка снова посыпалась пыль.

— Ты первая, кто говорит со мной так, — он покачал головой. — Твой отец был трусом. Он дрожал, когда подписывал договор. А ты… ты стоишь передо мной, как будто это я тебе должен.

— Возможно, так и есть, — она чуть наклонила голову. — Мой отец получил силу. Но он умер в одиночестве, всеми проклятый. Вы забрали его душу задолго до смерти. Так кто кому должен?

Он перестал улыбаться. В его глазах вспыхнуло что-то тёмное. Опасное.

— Ты играешь с огнём, леди.

— Я всю жизнь живу в снегах, — ответила она. — Мне

не привыкать.

Он сделал последний шаг. Теперь между ними было меньше фута. Он был выше её на голову, и от него исходил жар, как от вулкана. Изабелла не отступила. Она подняла подбородок и посмотрела прямо в его золотые глаза.

— Условия, — сказала она. — Вы отпустите моих людей. Вы не тронете деревни. Вы не сожжёте замок. Он останется моим. Я пойду с вами добровольно. Но если вы нарушите слово — я найду способ уничтожить всё, что вам дорого. Даже если для этого мне придётся умереть.

Он смотрел на неё долго. Очень долго. Изабелла слышала, как бьётся её собственное сердце. Ровно. Медленно. Она не позволила ему ускориться.

— Добровольно, — повторил он. — Ты понимаешь, что это значит? Ты будешь жить в моём логове. Подчиняться моим правилам. Ты будешь моей.

— Я буду вашей гостьей, — поправила она. — Пленницей, если вам угодно. Но не рабыней. И не игрушкой. Я не буду подчиняться. Я буду следовать правилам, которые сочту разумными. И я оставляю за собой право на сопротивление.

— Сопротивление? — он усмехнулся. — Ты собираешься бороться со мной?

— Я собираюсь остаться собой, — сказала она. — Это и есть сопротивление.

Он замолчал. И в этом молчании Изабелла услышала что-то странное. Не гнев. Не раздражение. Интерес. Голодный, острый интерес.

— Хорошо, — сказал он. — Я принимаю твои условия. Люди не тронуты. Замок остаётся. Деревни не горят. Ты идёшь со мной. Добровольно.

— Даю слово.

— Я тоже.

Он протянул руку. Ладонь была горячей, почти обжигающей. Изабелла вложила свою — холодную, как лёд. Контраст был резким. Он сжал её пальцы, и она почувствовала, как что-то в ней дрогнуло. Не страх. Что-то другое. Глубоко внутри, там, где она давно похоронила все чувства.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Ардрех, — ответил он. — Владыка Пламени. Но ты можешь называть меня по имени.

— Ардрех, — повторила она. — Что ж. Идёмте, Владыка Пламени. Покажите мне мою новую клетку.

Он отпустил её руку. Отступил на шаг. И в его глазах мелькнуло что-то, чего она не ожидала увидеть. Уважение.

— Ты странная женщина, Изабелла, — сказал он.

— Я знаю, — ответила она. — Идёмте.

Она прошла мимо него, не оглядываясь. Плащ развевался за её спиной, и шаги были твёрдыми. Она не взяла с собой ничего, кроме кинжала и той холодной решимости, которая заменяла ей сердце.

Ардрех смотрел ей вслед. Он думал, что забирает добычу. Он не знал, что забирает войну.

И где-то в глубине его древней, огненной души впервые за тысячу лет вспыхнуло любопытство. Опасное. Неутолимое.

Он последовал за ней.

А над Штольцем всё выл и выл ветер, и снег заметал следы, словно пытаясь скрыть то, что должно было случиться.

Глава 2. Дорога в логово

Снаружи бушевала метель.

Изабелла вышла через главные ворота — те самые, что ещё держались на одной петле после удара Ардреха. Ветер ударил в лицо, швырнув колючий снег, и она на секунду зажмурилась. Когда открыла глаза, то увидела во дворе тень. Огромную. Чёрную. Она занимала почти всё пространство между конюшней и стеной, и от неё исходил жар, от которого снег под ногами таял, превращаясь в грязную кашу.

Дракон.

Настоящий. Не человек с золотыми глазами, а зверь. Чешуя, отливающая багрянцем, как остывающая лава. Крылья, сложенные за спиной, но всё равно достающие до земли. Хвост, усеянный шипами, лениво чертил борозду в снегу. Голова размером с карету. И глаза — те же золотые, вертикальные, немигающие. Он смотрел на неё сверху вниз, и в этом взгляде было что-то древнее, нечеловеческое. Терпение горы. Равнодушие огня.

Изабелла остановилась. Позволила себе один вдох. Долгий, глубокий. Она не отступила.

— Впечатляет, — сказала она ровно. — Вы всегда пугаете дам своим истинным обликом, или это только для меня?

Дракон фыркнул. Из ноздрей вырвались струйки дыма, запахло серой. Затем воздух вокруг него задрожал, поплыл,

как марево над раскалённым камнем, и фигура сжалась, уменьшилась, вытянулась в знакомый силуэт. Ардрех стоял перед ней, всё в той же чёрной тунике, и на его губах играла лёгкая улыбка.

— Ты не отшатнулась, — заметил он.

— Я знала, на что иду.

— Знала? — он поднял бровь. — Ты знала, что я дышу огнём, что моя чешуя тверже стали, что я могу уничтожить этот замок одним ударом хвоста. И всё равно осталась?

— Я осталась, потому что у меня не было выбора, — ответила Изабелла. — Но я не собираюсь притворяться, что мне это нравится.

Он хмыкнул. Подошёл ближе — и снова этот жар, это ощущение открытой печи. Изабелла заставила себя не отступить. Она привыкла к холоду. Она выросла в холоде. Но это… это было непривычно. Слишком живо. Слишком близко.

— Как мы поедем? — спросила она, чтобы сменить тему. — У вас есть лошади? Карета? Или вы предпочитаете летать?

— Летать, — ответил он. — Это быстрее.

— На вас?

— На мне.

Изабелла посмотрела на дракона — точнее, на то место, где только что был дракон. Теперь там стоял человек. Обычный. Ну, почти обычный. Если не считать золотых глаз и жа-

ра, исходящего от кожи.

— Я никогда не летала, — сказала она.

— Будет интересно.

— Для кого?

Он рассмеялся. Коротко, низко. И в этом смехе было что-то, от чего у Изабеллы по спине пробежал холодок. Не страх. Что-то другое. Предвкушение? Нет. Она не позволяла себе предвкушать.

— Тебе придётся держаться, — сказал он. — Я не буду ждать, если ты упадёшь.

— Я не упаду.

— Посмотрим.

Он отошёл на несколько шагов, и воздух снова задрожал. Изабелла смотрела, как человек превращается в зверя. Это было… завораживающе. Кости вытягивались, кожа покрывалась чешуёй, глаза расширялись, наполняясь огнём. Через несколько секунд перед ней снова стоял дракон. Огромный. Молчаливый. Он опустил голову, и Изабелла поняла, что это приглашение.

Она подошла. Положила ладонь на чешую — тёплую, почти горячую. Под пальцами ощущалась сила. Древняя. Нечеловеческая. Она могла бы испугаться. Должна была. Но вместо страха она почувствовала странное спокойствие. Это было честно. По крайней мере, он не притворялся.

Она вскарабкалась на спину — неловко, цепляясь за выступы чешуи, раздирая плащ. Ардрех не помогал. Он просто

стоял и ждал. Когда она уселась между двумя шипами, вцепившись в ближайший, он повернул голову и посмотрел на неё. В золотом глазу отражалась она — маленькая, закутанная в серое, с растрёпанными волосами и упрямо сжатыми губами.

— Готова? — голос дракона звучал в голове, а не в ушах. Глубокий, вибрирующий.

— Нет, — ответила она. — Но это ничего не меняет.

Крылья раскрылись. Один взмах — и земля ушла из-под ног. Изабелла вцепилась в шип так, что побелели костяшки. Ветер ударил в лицо, снег хлестнул по щекам. Замок внизу начал уменьшаться, превращаясь в игрушечный. Огни факелов, ещё горевшие во дворе, стали крошечными точками. А потом и они исчезли.

Она не закричала. Не закрыла глаза. Она смотрела вниз, на землю, которая уходила всё дальше и дальше. Её желудок сжался, сердце колотилось где-то в горле, но внешне она оставалась спокойной. Ледяной. Такой, какой её привыкли видеть.

Ардрех летел ровно. Не делал резких поворотов, не пытался её напугать. Просто нёсся вперёд, рассекая низкие облака, и его крылья ритмично били по воздуху. Изабелла постепенно привыкла к ритму. К холоду. К тому, что под ней — живое существо, дышащее огнём.

Она не знала, сколько прошло времени. Час? Два? Небо вокруг потемнело, потом начало светлеть. Они летели на во-

сток, туда, где, по слухам, начинались земли драконов. Горы внизу становились всё выше, всё острее. Снег на вершинах сменился голыми скалами, потом — выжженной землёй. Воздух стал суше. Теплее. Запах серы усилился.

— Мы почти на месте, — голос Ардреха снова прозвучал в голове.

Изабелла ничего не ответила. Она смотрела вперёд, туда, где на горизонте поднималась огромная чёрная скала. Она была похожа на застывшее пламя — вся в трещинах, из которых вырывался дым. Вокруг неё вились другие драконы. Меньше. Словно птицы вокруг гнезда.

Логово.

Дракон начал снижаться. Изабелла наклонилась вперёд, вжимаясь в чешую, чтобы ветер не сбил её. Земля приближалась быстро. Слишком быстро. Она закусила губу, но не издала ни звука. А потом — толчок. Мягкий, но ощутимый. Ардрех приземлился на широкую площадку перед входом в скалу. Вход был огромным — даже в истинном облике он мог пройти туда, не складывая крыльев.

Изабелла разжала руки. Медленно. Пальцы затекли, но она не подала вида. Сползла вниз, на твёрдый камень. Ноги дрожали. Она надеялась, что он не заметит.

Заметил. Конечно, заметил. Он снова был человеком — стоял рядом, скрестив руки на груди, и смотрел на неё с тем же выражением. Любопытство. Голод. Интерес.

— Ты не упала, — сказал он.

— Я говорила.

— Говорить легко. Сделать — сложнее. — Он шагнул ближе. — Ты дрожишь.

— Это от холода.

— Здесь жарко.

— Значит, от высоты.

Он усмехнулся. Протянул руку, словно хотел коснуться её щеки, но Изабелла отступила. Один шаг. Ровно настолько, чтобы между ними снова появилось расстояние.

— Не надо, — сказала она. — Мы ещё не настолько близко знакомы.

— Ты будешь жить в моём доме, — напомнил он. — Есть, спать, дышать рядом со мной. Ты думаешь, расстояние что-то изменит?

— Расстояние — это единственное, что у меня осталось, — ответила она. — Не отнимайте его.

Он замолчал. Долго смотрел на неё. Потом опустил руку.

— Идём, — сказал он. — Я покажу тебе твою комнату.

Он повернулся и пошёл к входу в скалу. Изабелла последовала за ним. Внутри было темно, но стоило им войти, как по стенам вспыхнули огни — живые, танцующие, как факелы без огня. Коридор был широким, высоким, вырубленным прямо в камне. Стены покрывали барельефы: драконы, сражения, горы. Древние. Забытые.

Они шли долго. Мимо залов, заполненных сокровищами, мимо библиотек с книгами в кожаных переплётах, мимо

окон, из которых открывался вид на кипящую лаву внизу. Изабелла смотрела. Запоминала. Каждый поворот, каждую дверь. Если она собиралась сбежать — а она собиралась — ей нужно было знать этот лабиринт.

Наконец Ардрех остановился перед дверью. Простой, деревянной, без украшений. Он открыл её и отступил в сторону.

— Твоя комната, — сказал он. — Здесь есть всё, что нужно. Если чего-то не хватает — скажи.

Изабелла вошла. Комната была большой. Больше, чем её спальня в Штольце. Кровать с балдахином, стол, кресла, камин — уже горящий. Окно во всю стену, за которым виднелись горы. И никаких решёток. Никаких замков. Никаких цепей.

Она обернулась.

— Это не клетка.

— Я не держу пленников, — сказал он. — Я держу тех, кто мне нужен.

— И если я уйду?

— Попробуй.

Он сказал это спокойно. Без угрозы. Просто факт. Изабелла сжала зубы.

— Я не буду пытаться, — сказала она. — Сегодня.

— Хорошо, — он кивнул. — Отдыхай. Ужин будет через два часа. Я пришлю кого-нибудь.

Он вышел. Дверь закрылась без стука. Изабелла осталась

одна.

Она постояла несколько секунд, прислушиваясь. Шаги удалялись. Тишина. Она подошла к окну. За ним — пропасть. Глубоко внизу — лава. Далеко. Очень далеко. Если прыгнуть — умрёшь. Если попытаться спуститься — умрёшь. Если попытаться сбежать через коридоры — заблудишься и умрёшь.

Она отвернулась. Села на кровать. Сняла плащ. Кинжал остался при ней — он не забрал его. Глупо с его стороны. Или самоуверенно.

Изабелла провела рукой по рукояти. Холодная. Знакомая. Единственное, что осталось от дома.

Она не плакала. Не позволяла себе. Вместо этого она встала, подошла к столу, взяла перо и бумагу — они лежали там, словно специально для неё. И начала писать.

План. Список. Наблюдения.

Первое: он не тронул моих людей.

Второе: замок не сожжён.

Третье: я жива.

Четвёртое: он не такой, как я думала.

Она зачеркнула четвёртое. Слишком рано. Слишком опасно.

Она написала снова.

Четвёртое: я не знаю, чего он хочет.

Это было честно. И это пугало больше, чем огонь.

Она отложила перо. Посмотрела в окно. Горы. Лава. Чужое небо.

— Что ж, — сказала она вслух. — Добро пожаловать в новую жизнь, Изабелла.

Голос прозвучал глухо. Одиноко. Но не сломленно.

Она не собиралась ломаться. Ни сейчас. Ни потом. Никогда.

Глава 3. Золотая клетка

Изабелла проснулась от того, что в комнате стало слишком жарко.

Она открыла глаза и несколько секунд не понимала, где находится. Потолок был каменный, сводчатый, с прожилками, отливающими багрянцем. Окно — огромное, во всю стену — было залито светом. Не дневным. Багровым. Снизу, из пропасти, поднималось свечение лавы, и оно окрашивало всё в тёплые, тревожные тона.

Она села. Кинжал лежал рядом, на подушке — она положила его туда перед сном. Привычка. Единственная, которую она не собиралась менять.

Кто-то приходил. На стуле у стола лежала одежда — не её. Платье из тёмно-синего шёлка, с серебряной вышивкой по вороту. Тонкое, дорогое, явно сшитое на неё. Рядом — туфли. Мягкие, кожаные. И зеркало — большое, в бронзовой оправе, которого вчера здесь не было.

Изабелла встала. Подошла к стулу. Посмотрела на платье. Потом на свою одежду — серую, мятую, с пятнами от снега и сажи. Она не притронулась к платью. Вместо этого подошла к зеркалу и посмотрела на себя.

Растрёпанная. Бледная. Под глазами тени. Волосы выбились из узла. Она выглядела как человек, который провёл ночь в пути, а не в постели. Что ж. По крайней мере, честно.

Она умылась водой из кувшина — холодной, почти ледяной, и это было приятно. Привела себя в порядок. Надела свою старую одежду. И вышла из комнаты.

Коридор был пуст. Но стоило ей сделать несколько шагов, как из-за поворота появилась фигура. Женщина. Не человек. Слишком гладкая кожа, слишком яркие глаза — янтарные, без зрачков. Драконида. Служанка.

— Леди Изабелла, — она поклонилась. Голос был мелодичным, но с шипящими нотками. — Владыка ждёт вас на завтрак.

— Где?

— Я провожу.

Изабелла кивнула. Пошла следом. Коридоры вились, как змеи. Она запоминала. Поворот налево. Лестница вниз. Ещё поворот. Дверь с барельефом дракона, пожирающего солнце. Она отметила её в памяти. Ещё одна дверь. Ещё одна лестница.

Они вышли в зал. Огромный. Сводчатый. С окнами от пола до потолка, за которыми клубился дым. В центре стоял стол. Длинный, дубовый, уставленный блюдами. Мясо, фрукты, хлеб, вино. Ардрех сидел во главе. Он был в человеческом облике — туника, ремень, плащ. Волосы собраны в хвост. Он выглядел… спокойным. Расслабленным. Словно ждал приятной беседы.

— Доброе утро, — сказал он, поднимая глаза. — Надеюсь, ты хорошо спала.

— Спасибо, — ответила Изабелла. — Но я не голодна.

— Это не имеет значения. Садись.

Она не двинулась.

— Я сказала, что не голодна.

— А я сказал — садись.

Пауза. Воздух между ними задрожал. Изабелла чувствовала, как жар от него усиливается. Он злился. Хорошо. Пусть злится. Пусть увидит, что она не сломается от первого же приказа.

— Я не буду есть, — сказала она ровно. — И не буду носить ваши платья. И не буду спать в вашей кровати. Вы можете запереть меня, можете угрожать, можете сжечь меня. Но вы не заставите меня играть в гостью. Я не гостья. Я пленница. И я буду вести себя соответственно.

Ардрех откинулся на спинку кресла. В его глазах вспыхнуло что-то тёмное. Он молчал долго. Потом улыбнулся. Нехорошо.

— Ты думаешь, что можешь диктовать условия? — спросил он тихо. — Здесь? В моём доме?

— Я думаю, что у меня нет ничего, кроме этих условий, — ответила Изабелла. — И я буду держаться за них, пока дышу.

Он встал. Медленно. Обошёл стол. Остановился прямо перед ней. Он был так близко, что она чувствовала запах дыма и раскалённого металла, исходящий от его кожи. Он наклонился. Его лицо оказалось на уровне её лица. Глаза —

золотые, с вертикальным зрачком — смотрели прямо в её.

— Ты хочешь умереть? — спросил он. — Это так просто? Пришла, сказала «нет», и всё? Думаешь, смерть — это выход?

— Я думаю, что смерть — это единственная свобода, которую вы не сможете у меня отнять, — ответила она. — И я не боюсь её.

Он смотрел на неё. Долго. Очень долго. А потом сделал то, чего она не ожидала. Он отступил. Отошёл на шаг. И рассмеялся. Тихо, почти беззвучно.

— Ты не ела, — сказал он. — Это твоё право. Но ты будешь пить. Вода — это не роскошь. Это необходимость. Откажешься от воды — умрёшь через три дня. И тогда твоя драгоценная свобода обернётся прахом. Ты этого хочешь?

Изабелла молчала.

— Я не буду заставлять тебя есть, — продолжил он. — Я не буду заставлять тебя носить платья. Я не буду заставлять тебя спать в кровати. Но я не позволю тебе умереть от голода и жажды. Это не милосердие. Это практичность. Мне нужна ты. Живая.

Он повернулся к столу. Взял кувшин. Налил воду в простой глиняный стакан. Поставил его на край стола. Не протянул ей. Просто оставил.

— Пей, — сказал он. — Или не пей. Дело твоё.

Он сел обратно. Взял с блюда кусок хлеба. Начал есть. Спокойно. Размеренно. Словно её здесь не было.

Изабелла стояла. Смотрела на стакан. В горле пересохло. Она не пила с самого утра. Вода была простой, чистой, прохладной. Она слышала, как она плещется в кувшине, когда Ардрех наливал. И её тело предательски тянулось к ней.

Она подошла. Взяла стакан. Выпила залпом. Поставила обратно. Не сказала ни слова. И вышла из зала.

Ардрех смотрел ей вслед. Он не окликнул её. Не приказал вернуться. Просто смотрел. И в его взгляде было что-то, что она не увидела, потому что не обернулась. Что-то, похожее на восхищение.

Изабелла вернулась в свою комнату. Села на пол. У окна. Прислонилась спиной к холодному камню. Закрыла глаза.

Она не плакала. Не позволяла себе. Вместо этого она думала. О доме. О Марте. О слугах, которые ушли через тайный ход. О замке, который остался стоять. О том, что она сделала всё правильно. И о том, что теперь она одна.

Совсем одна.

В комнате было тихо. Только где-то вдалеке гудела лава. И жар от камина — он всё ещё горел, кто-то подкладывал дрова, пока она спала — напоминал о том, что она не дома. Не в Штольце. Не в снегах.

Здесь было слишком жарко. Слишком ярко. Слишком живо.

Она открыла глаза. Посмотрела на платье, которое так и осталось лежать на стуле. Синее. Красивое. Чужое.

Она встала. Подошла. Взяла его. Поднесла к лицу. Ткань

была мягкой, пахла чем-то травяным. Лавандой? Нет. Чем-то другим. Чем-то, что росло здесь, в этих землях. Она не знала этого запаха.

Она положила платье обратно. Не надела.

Она вернулась к окну. Села. И начала ждать.

Чего? Она сама не знала. Может, следующего шага Ардреха. Может, возможности. Может, знака. Она просто сидела и смотрела на багровое небо, и в её голове зрел план.

План побега.

Она не знала, как. Не знала, когда. Но она знала, что это случится. Потому что она не собиралась оставаться здесь. Ни в клетке, какой бы золотой она ни была. Ни рядом с ним, каким бы… каким бы ни был он.

Она не позволит себе привыкнуть. Не позволит себе сломаться. Не позволит себе забыть, кто она.

Изабелла, леди Штольца. Холодная. Непреступная. Непокорённая.

Она повторяла это, как молитву. Снова и снова. Пока слова не потеряли смысл. Пока не остались только звуки. Пока не стало пусто.

А потом она услышала шаги. За дверью. Тяжёлые. Медленные. Они остановились. Кто-то стоял под дверью. Ждал.

Изабелла не пошевелилась. Не обернулась. Не сказала ни слова.

Шаги удалились.

Она выдохнула. Медленно. Долго. И поняла, что всё это

время сжимала рукоять кинжала. Побелевшие пальцы. Каменная хватка.

Она разжала руку. Посмотрела на ладонь. На ней остались вмятины. Красные. Болезненные.

Она сжала кулак. И снова разжала.

— Я справлюсь, — сказала она вслух. — Я справлюсь.

Голос прозвучал твёрдо. Уверенно. Так, как она хотела. Так, как она умела.

Она поднялась с пола. Подошла к столу. Взяла перо. И написала на листе, который оставила вчера:

Пятое: он не заставил меня есть.

Шестое: он позволил мне уйти.

Седьмое: он что-то задумал.

Она отложила перо. Посмотрела на написанное. Строки расплывались — лава за окном мерцала, и свет прыгал по бумаге. Она перечитала. Медленно.

«Седьмое: он что-то задумал».

Она зачеркнула «что-то». Написала заново:

«Седьмое: он что-то задумал. Но я не знаю что. И это хуже всего».

Глава 4. Испытание властью

Три дня.

Изабелла отсчитывала их по багровому свету, который заливал комнату каждое утро. По тому, как менялся жар — днём он становился невыносимым, ночью спадал, и тогда можно было дышать. По тому, как служанка-драконида приносила еду — всегда в одно и то же время, всегда молча, всегда оставляла поднос у двери и уходила.

Она не ела. Только пила воду. И чувствовала, как слабеет. Медленно. Но верно. Руки дрожали к вечеру третьего дня. Голова кружилась, когда она вставала. Она игнорировала это. Села у окна и смотрела на горы. Ждала.

Он не приходил. Ардрех не появлялся ни в коридоре, ни в зале, ни у её двери. Словно забыл о ней. Словно её отказ есть не имел значения. Словно она была не важнее мебели.

Это было хуже, чем гнев. Хуже, чем угрозы. Это было равнодушие. И оно грызло изнутри сильнее голода.

На четвёртый день дверь открылась без стука.

Изабелла сидела на полу у окна — так было прохладнее. Она обернулась. Ардрех стоял на пороге. В чёрной тунике, с собранными в хвост волосами. В руках — ничего. Ни подноса, ни приказов. Просто он.

— Идём, — сказал он.

— Куда?

— Увидишь.

— Я никуда не пойду.

Он вошёл в комнату. Медленно. Остановился в двух шагах от неё. Посмотрел сверху вниз. Она — на него. Снизу вверх. Голодная. Слабая. Но с тем же ледяным взглядом.

— Ты не ела четыре дня, — сказал он. — Ты едва стоишь на ногах. Ты не сможешь сопротивляться, если я решу тебя куда-то отнести. Так что выбор у тебя простой: идти самой или быть отнесённой.

Изабелла сжала зубы. Он был прав. Она это ненавидела. Но он был прав.

Она встала. Медленно. Мир качнулся, но она удержалась. Схватилась за подоконник. Выпрямилась. Посмотрела ему в глаза.

— Идём, — сказала она.

Он кивнул. Повернулся. Пошёл. Она — за ним. Шаги давались тяжело. Колени подгибались. Но она шла. Ровно. Прямо. Не позволяя себе опереться о стену. Не позволяя себе показать слабость.

Они шли долго. Коридоры сменялись лестницами, лестницы — мостами над пропастями. Внизу кипела лава, и от неё поднимался жар, от которого пересыхало во рту. Изабелла смотрела вперёд. На его спину. Широкую. Прямую. Он не оборачивался. Не проверял, идёт ли она. Знал, что идёт.

Наконец они вышли на открытую площадку.

Это было что-то вроде балкона, вырубленного в ска-

ле. Огромного. Настолько, что здесь мог бы поместиться небольшой замок. С одной стороны — пропасть, на дне которой бурлила лава. С другой — стена скалы. А прямо перед ними, на краю пропасти, стояла скала. Одинокая. Чёрная. Высотой с пятиэтажный дом.

Ардрех остановился. Изабелла — тоже. Она смотрела на скалу. Не понимала.

— Зачем мы здесь? — спросила она.

Он не ответил. Просто поднял руку. И воздух вокруг него задрожал. Кожа потемнела, пошла чешуёй. Кости вытянулись. Через секунду перед ней стоял дракон. Огромный. Чёрно-багровый. И он смотрел на скалу.

А потом дыхнул.

Столб пламени — белого, невыносимо яркого — ударил в скалу. Камень взорвался. Осколки полетели во все стороны, и Изабелла закрыла лицо руками, чтобы не ослепнуть. Грохот был такой, что задрожала земля под ногами. Когда она опустила руки, скалы не было. Только дымящаяся воронка. Расплавленный камень. И жар, который обжёг даже на расстоянии.

Дракон повернул голову. Золотой глаз уставился на неё. Огромный. Немигающий.

— Ты видела? — голос прозвучал в голове. — Это — моя сила. Я могу уничтожить всё. Любую крепость. Любую армию. Любого врага. Одно слово — и от Штольца останется только пепел.

Изабелла смотрела на воронку. На дымящийся камень. На то, что секунду назад было скалой. Она не отшатнулась. Не закричала. Не упала на колени.

— Видела, — сказала она.

— И?

— И что?

Дракон моргнул. Единственный раз. И в этом движении было столько растерянности, что Изабелла почти улыбнулась.

— Ты не боишься, — сказал он. Уже не голосом дракона. Он снова был человеком. Стоял в двух шагах от неё, и на его лице было написано недоумение. — Я только что показал тебе, на что способен. Я могу убить тебя одним вздохом. Я могу стереть твой род с лица земли. Почему ты не боишься?

Изабелла выпрямилась. Она всё ещё была слаба. Всё ещё голодна. Но сейчас, в этот момент, она чувствовала себя сильнее, чем когда-либо.

— Потому что вы не сделаете этого, — сказала она. — Если бы хотели — уже сделали бы. Вы привезли меня сюда. Вы дали мне комнату. Вы не тронули моих людей. Вы не убили меня, хотя могли. Вы не разрушили Штольц, хотя это заняло бы у вас одно дыхание. Так зачем вы это делаете?

— Что делаю?

— Пугаете меня. — Она сделала шаг вперёд. Один. Слабый. Но твёрдый. — Вы привели меня сюда, чтобы показать силу. Думали, что я упаду. Что я заплачу. Что я начну умо-

лять. Но я не упала. Не заплакала. Не стала умолять. И теперь вы стоите и не понимаете, почему это не работает.

Он молчал. Смотрел на неё. И в его глазах — золотых, немигающих — что-то менялось. Что-то ломалось. Что-то новое просыпалось.

— Ты не боишься, — повторил он. — Ты вообще ничего не боишься?

— Боюсь, — честно сказала она. — Но не вас. Я боюсь стать такой, как вы. Боюсь забыть, кто я. Боюсь проснуться однажды и понять, что мне здесь нравится. Вот чего я боюсь.

Он смотрел на неё долго. Очень долго. Потом отвернулся. Посмотрел на дымящуюся воронку. На то, что осталось от скалы. И в его голосе, когда он заговорил, не было больше угрозы. Только усталость. Древняя. Бесконечная.

— Ты разрушаешь то, что тебе не принадлежит, — сказала Изабелла тихо. — Как и меня.

Он вздрогнул. Едва заметно. Но она увидела.

— Я не разрушаю тебя, — сказал он. — Я пытаюсь понять.

— Что понять?

— Почему ты не ломаешься.

Он обернулся. Посмотрел на неё. И в этом взгляде было что-то, от чего у Изабеллы перехватило дыхание. Не жар. Не угроза. Что-то другое. Что-то, что она не могла назвать.

— Я ломалась, — сказала она. — Много раз. До тебя. До этого. Я собирала себя по кускам, пока не поняла, что если я не сломаюсь снова — никто не сможет меня сломать. Вот

почему я не боюсь. Потому что худшее уже случилось. Давно. И я всё ещё стою.

Он молчал. Долго. Потом подошёл. Близко. Очень близко. Она чувствовала его жар, его запах, его дыхание. Он поднял руку — медленно, словно давая ей время отступить. Она не отступила. Он коснулся её щеки. Кончиками пальцев. Едва-едва. Горячими. Обжигающими.

— Ты голодна, — сказал он. — Ты слаба. Ты едва стоишь. Но ты всё ещё здесь. Всё ещё смотришь мне в глаза. Всё ещё говоришь мне «нет». Я не понимаю тебя, Изабелла. И это… это раздражает.

— Хорошо, — сказала она. — Пусть раздражает. Это лучше, чем равнодушие.

Он убрал руку. Отступил. И на его губах появилась улыбка. Не злая. Не жестокая. Просто улыбка. Человеческая.

— Идём, — сказал он. — Ты будешь есть. Не потому, что я приказываю. Потому что я прошу.

Изабелла смотрела на него. Долго. Потом кивнула. Один раз. Медленно.

— Хорошо, — сказала она. — Я буду есть. Но не потому, что ты просишь. Потому что я хочу жить. И потому что я не сдамся так просто.

Он рассмеялся. Тихо. Коротко. И в этом смехе было что-то, от чего у неё сжалось сердце. Не страх. Что-то другое.

Они пошли обратно. Вместе. Он — впереди. Она — следом. Но теперь между ними было что-то. Невидимое. Хруп-

кое. Опасное.

Она не знала, что это. Не хотела знать. Но оно было. И она чувствовала его с каждым шагом.

Вернувшись в зал, она села за стол. Взяла хлеб. Отломила кусок. Положила в рот. Прожевала. Медленно. Вкус был странным — непривычным. Но она ела. И смотрела на него. А он смотрел на неё.

И в этот момент Изабелла поняла, что её план побега становится сложнее. Потому что теперь она видела в нём не только чудовище. Она видела что-то ещё. Что-то, что пугало её больше, чем огонь.

Она видела человека. И это было хуже всего.

Глава 5. Библиотека и условия

Прошла неделя.

Изабелла считала дни по багровому свету, который заливал комнату каждое утро, и по тому, как менялся жар — днём он становился невыносимым, ночью спадал, и тогда можно было дышать. Она ела. Немного. Хлеб, фрукты, воду. Достаточно, чтобы не умереть. Недостаточно, чтобы сдаться. Она не носила платья, которые ей приносили. Не спала в кровати. Не разговаривала со служанкой-драконидой, которая приходила каждое утро с подносом. Она просто существовала. В серой одежде, с кинжалом под подушкой, с планом побега, который становился всё более расплывчатым.

Ардрех не приходил. После того дня у пропасти он исчез. Словно растворился в камне. Изабелла не знала, где он. Не спрашивала. Не искала. Но каждую ночь, лёжа на полу у окна, она слышала шаги. Тяжёлые. Медленные. Они останавливались у её двери. Стояли. Минуту. Две. Потом удалялись. Каждую ночь. Без исключений.

Она не открывала. Не звала. Не спрашивала, что ему нужно. Но каждый раз, когда шаги затихали, она чувствовала странное. Пустоту. Словно что-то важное уходило. Словно она упускала шанс. Она ненавидела это чувство. Ненавидела себя за него.

На восьмой день она проснулась от того, что в комнате

было слишком тихо. Не было гула лавы. Не было воя ветра в трубах. Только тишина. Густая, плотная. И жар. Не такой, как обычно. Мягче. Словно кто-то приглушил огонь.

Она встала. Подошла к окну. За ним — ничего. Только дым. Серый, плотный, непроницаемый. Он поднимался снизу, от лавы, и застилал всё. Горы исчезли. Небо исчезло. Мир сузился до этой комнаты. До этого окна. До этого мгновения.

Изабелла отвернулась. На стуле снова лежала одежда. Не платье. Штаны. Тёмные, кожаные. Рубашка. Простая. Удобная. И сапоги. Мягкие. По размеру. Она смотрела на них долго. Потом вздохнула. Взяла. Надела. Впервые за восемь дней она была в чём-то, кроме своей старой серой одежды. И это было… странно. Непривычно. Кожаная рубашка сидела идеально. Штаны не жали. Сапоги не натирали. Кто-то знал её размер. Кто-то позаботился. Она не хотела думать о том, кто это был.

Она вышла из комнаты. Коридор был пуст. Ни служанки, ни стражи. Только багровые огни на стенах. Она пошла. Куда — не знала. Просто шла. Впервые за восемь дней — без сопровождения. Без надзора. Свобода? Нет. Проверка. Она чувствовала это. Он наблюдал. Откуда-то. Как дракон, который следит за мышью, не понимая, что мышь — тоже хищник.

Коридоры вились. Она поворачивала. Запоминала. Лестница вниз. Ещё одна. Поворот. Дверь с барельефом дракона, пожирающего солнце. Она толкнула её. Открылась. Внутри

— темнота. Она шагнула. Огни вспыхнули. И Изабелла замерла.

Библиотека.

Она была огромной. Больше, чем весь Штольц. Сводчатые потолки терялись в темноте, и казалось, что книги уходят в бесконечность. Стеллажи — дубовые, тёмные, с резьбой — тянулись от пола до потолка. Между ними — узкие проходы, в которых легко было заблудиться. В центре — длинный стол. Свечи. Перья. Чернильницы. И тишина. Такая глубокая, что Изабелла слышала собственное дыхание.

Она шагнула вперёд. Кожаный переплёт под пальцами. Пыль. Древность. Запах старой бумаги и воска. Она провела рукой по корешкам. Названия были на разных языках. Некоторые — на тех, которые она знала. Некоторые — на тех, которые она никогда не видела. Она вытащила одну книгу. Открыла. Страницы были исписаны от руки. Рисунки. Схемы. Драконы. Охота. Убийство.

Она вернула книгу. Взяла другую. Трактат по магии огня. Третью. История драконьих войн. Четвёртую. Пятый том. Она искала. Что-то. Что угодно. Способ сбежать. Способ убить. Способ понять.

Она не слышала, как он вошёл.

— Нашла что-нибудь интересное?

Изабелла вздрогнула. Едва заметно. Но он заметил. Конечно, заметил. Ардрех стоял у входа. Скрестив руки. В той же чёрной тунике. С тем же спокойным лицом. Но в глазах

— что-то. Ожидание. Насмешка. И что-то ещё. Голод.

— Ты знал, что я приду сюда, — сказала она.

— Я знал, что ты не устоишь. Ты — человек, который ищет выход. Это твоя природа.

— И ты оставил дверь открытой.

— Оставил.

— Почему?

Он подошёл. Медленно. Остановился по другую сторону стола. Посмотрел на книги, которые она листала. На трактат по убийству драконов. На схему, где были отмечены уязвимые места на чешуе. Улыбнулся. Не зло. Просто улыбнулся.

— Потому что хочу, чтобы ты поняла, — сказал он. — Ты можешь читать всё, что захочешь. Искать любые способы. Пытаться. Но ты не найдёшь ничего. Ни здесь, ни где-либо ещё. Я — не обычный дракон. Меня нельзя убить.

— Всех можно убить.

— Да? — он наклонил голову. — Попробуй.

Пауза. Воздух между ними задрожал. Изабелла смотрела на него. Он — на неё. Никто не отводил глаз. Никто не уступал.

— Я не буду пытаться, — сказала она наконец. — Пока.

— Хорошо, — он кивнул. — Тогда давай заключим пари.

— Пари?

— Ты любишь книги. Ты любишь знания. Ты ищешь выход. Я дам тебе время. Месяц. Ты можешь читать всё, что здесь есть. Ты можешь исследовать замок. Ты можешь искать

слабые места. Ты можешь пытаться сбежать. Если за месяц ты найдёшь способ убить меня или покинуть это место — я отпущу тебя. Без условий. Без долга. Ты будешь свободна.

Изабелла смотрела на него. Недоверчиво.

— А если не найду?

— Тогда ты поужинаешь со мной. Один раз. Как гостья. Не как пленница. Не как враг. Как женщина, которая проиграла спор.

— И всё?

— И всё.

— Это глупо.

— Возможно, — он пожал плечами. — Но это лучше, чем то, что происходит сейчас. Ты сидишь в своей комнате. Голодаешь. Смотришь в окно. Я стою под дверью каждую ночь. Мы оба не двигаемся. Это тупик. Я предлагаю выход.

Она замерла. Он сказал это. Вслух. Он признался. Шаги под дверью. Каждую ночь. Он знал, что она слышит. И всё равно приходил. Изабелла почувствовала, как что-то сжимается в груди. Не страх. Не жалость. Что-то другое.

— Ты стоял под моей дверью, — сказала она тихо.

— Да.

— Зачем?

Он молчал. Долго. Очень долго. Потом подошёл ближе. Ещё ближе. Теперь между ними был только стол. Только узкая полоска дерева. Он наклонился. Положил ладони на столешницу. Посмотрел ей в глаза.

— Потому что ты — первая, кто не боится, — сказал он. — Первая, кто говорит мне «нет». Первая, кто не падает на колени. Я не знаю, что с тобой делать. И это… это сводит меня с ума.

Изабелла смотрела на него. В его золотые глаза. В вертикальные зрачки. В лицо, которое было слишком красивым для чудовища. И в этот момент она поняла. Он не притворялся. Он действительно не знал. Он был растерян. Как ребёнок, который впервые столкнулся с чем-то, что не поддаётся его пониманию.

— Хорошо, — сказала она. — Я принимаю пари.

Он отступил. Выпрямился. И на его губах появилась улыбка. Настоящая. Широкая. Почти мальчишеская.

— Тогда начинай, — сказал он. — Время пошло.

Он повернулся. Пошёл к выходу. У двери остановился. Обернулся.

— Изабелла.

— Что?

— Ты сегодня надела то, что я оставил.

Она посмотрела на себя. На кожаную рубашку. На штаны. На сапоги. Она даже не подумала. Просто надела. Потому что было удобно. Потому что хотелось. Потому что устала от серого.

— Это ничего не значит, — сказала она.

— Значит, — ответил он. — Всё значит.

Он вышел. Дверь закрылась. Изабелла осталась одна. Сре-

ди тысяч книг. Среди пыли и тишины. И с осознанием, что только что сделала шаг. Не вперёд. Не назад. В сторону. В неизвестность.

Она села за стол. Взяла первую книгу. Открыла. Страницы зашуршали. Она начала читать. Но слова расплывались. Мысли были далеко. Там, у двери. Где он стоял. Каждую ночь. Просто стоял.

Она тряхнула головой. Сосредоточилась. Начала читать снова.

Прошло несколько часов. Она не заметила, как пролетело время. Свечи догорели, и она зажгла новые. Отодвинула книги по анатомии драконов. Взяла другие. Историю. Географию. Магию. Она искала. Всё, что угодно. Любую зацепку.

И нашла.

В одном из старых томов — кожаном, с выцветшими буквами — была карта. Подземные ходы. Тоннели. Выходы. Она впилась глазами в схему. Один из ходов вёл к восточной стене. Туда, где пропасть была не такой глубокой. Где можно было спуститься. Где можно было уйти.

Она подняла голову. Посмотрела на дверь. Он знал, что она найдёт это. Он оставил карту специально. Проверка. Или подарок. Она не знала. Но она запомнила. Каждый поворот. Каждый тоннель. Каждую развилку.

Она закрыла книгу. Отодвинула. Взяла другую. И продолжила читать. Уже не для того, чтобы найти выход. Для того,

чтобы понять. Кто он. Что он. Почему он такой.

И чем больше она читала, тем меньше понимала.

Он был древним. Очень древним. Драконом, который жил тысячи лет. Он видел падение империй. Рождение королевств. Смерть богов. Он был один. Всегда один. Последний из своего рода. И в этом одиночестве было что-то, от чего у Изабеллы сжималось сердце. Не жалость. Нет. Она не позволяла себе жалость. Но понимание. Она тоже была одна. Давно. С тех пор, как умерла мать. С тех пор, как отец начал пить. С тех пор, как она поняла, что никому нельзя доверять. Она тоже была последней. В своём роде. В своей крепости. В своём льду.

Она закрыла книгу. Отложила. Посмотрела на свечу. Огонь танцевал. Живой. Тёплый. Опасный.

Она думала о нём. О драконе. О человеке. О том, как он стоял под дверью. Каждую ночь. Просто стоял. И она не открывала. И он уходил. Каждую ночь.

Почему она не открыла?

Она не знала ответа. Не хотела знать. Но где-то глубоко, в самом тёмном уголке её души, она понимала. Она не открыла, потому что боялась. Не его. Себя. Того, что может случиться, если она откроет. Если позволит ему войти. Если позволит себе.

Она встала. Закрыла книгу. Пошла к выходу. Коридор был тёмным. Огни приглушили. Она шла медленно. Усталая. Голодная. Но не сломленная.

Вернувшись в комнату, она увидела поднос. Еда. Горячая. Пар над тарелкой. И записка. Одна строка. Почерк — резкий, острый, как лезвие.

«Ты можешь не есть. Но я буду присылать. Каждый день. Пока ты не поймёшь, что это не слабость — принять помощь».

Она смотрела на записку долго. Потом взяла. Скомкала. Бросила в камин. Огонь вспыхнул. Бумага сгорела. Но слова остались. В голове. В памяти.

Она села на пол. Прислонилась к стене. Закрыла глаза. И впервые за восемь дней — заплакала. Тихо. Беззвучно. Чтобы никто не услышал. Чтобы он не услышал. Чтобы даже стены не знали.

Она плакала о доме. О себе. О том, что происходит. О том, что она не понимает. О том, что он стоит под дверью. Каждую ночь. И она не открывает.

Утром она проснулась на полу. Опухшая. Разбитая. Но живая. Она встала. Умылась. Надела вчерашнюю одежду. И пошла в библиотеку. Читать. Искать. Понять.

Она не знала, что найдёт. Не знала, чем закончится этот месяц. Но она знала одно. Она не сдастся. Даже если придётся открыть дверь. Даже если придётся позволить ему войти. Она не сдастся.

Потому что она — Изабелла. Леди Штольца. Холодная. Непреступная. Непокорённая.

Пока.

Глава 6. Первая трещина

Прошло две недели.

Изабелла знала это точно, потому что вела счёт. Каждое утро — зарубка на внутренней стороне крышки стола, которую она нашла в библиотеке. Каждую ночь — шаги под дверью. Она всё ещё не открывала. Он всё ещё приходил. Каждую ночь. Без исключений. Это стало ритуалом. Странным. Молчаливым. Почти интимным. Она ждала его. Он приходил. Никто не нарушал тишину.

Днём она читала.

Библиотека стала её убежищем. Её крепостью. Её полем боя. Она приходила туда с рассветом — багровым, дымным, — и уходила, когда свечи догорали. Она прочитала всё, что могла найти о драконах. Об их природе. Об их слабостях. Об их истории. Она изучила карты. Запомнила каждый тоннель. Каждый выход. Каждую ловушку. Она нашла три способа покинуть замок. Два — через подземные ходы. Один — через восточную стену, где пропасть была не такой глубокой. И один способ убить дракона. Теоретически. В древнем трактате, написанном на мёртвом языке, который она едва понимала. Что-то о сердце. Что-то о пламени. Что-то о том, что можно погасить, если найти правильный подход.

Она не была уверена. Но это было лучше, чем ничего.

Она также узнала другое. То, о чём не писала в своих за-

метках. То, что не хотела признавать. Ардрех не был обычным драконом. Он был последним. Его род вымер тысячу лет назад. Он жил один. Всё это время. В этом замке. Среди сокровищ, которые не имели значения. Среди книг, которые некому было читать. Среди лавы, которая не согревала. Он был один. Как она. Только дольше. Намного дольше.

Она ненавидела это знание. Оно мешало. Оно делало его… человеком. А она не хотела видеть в нём человека. Человека сложнее ненавидеть. Человека сложнее убить.

На пятнадцатый день она нашла карту подземных ходов. Не ту, что видела раньше. Другую. Более детальную. С отметками. С пометками на полях — почерк был её отца. Она узнала бы его где угодно. Кривой, торопливый, с наклоном влево. Он был здесь. До неё. Он ходил этими коридорами. Он искал выход. И не нашёл.

Она смотрела на карту долго. Потом сложила. Убрала в карман. И начала планировать.

Побег был невозможен. Она поняла это быстро. Тоннели, которые она нашла, вели в тупик. Восточная стена охранялась. Подземные ходы были завалены. Кто-то — или что-то — позаботилось о том, чтобы никто не ушёл. Но оставался второй вариант. Убийство.

Она не хотела этого. Не так. Не в спину. Но пари было пари. Если она найдёт способ — он отпустит её. А если он умрёт… что ж. Это тоже способ.

Она начала готовиться.

В трактате говорилось о сердце. О том, что драконье сердце — это не просто орган. Это средоточие огня. Источник силы. Если его погасить — дракон умрёт. Но погасить можно только изнутри. Снаружи чешуя непробиваемая. Снаружи огонь только разгорается. Нужно было что-то другое. Что-то, что проникнет внутрь. Что-то, что он впустит сам.

Она думала об этом три дня. Потом поняла. Единственный способ — подойти близко. Так близко, чтобы он позволил. Так близко, чтобы он доверился. Она должна была стать той, кому он откроется. А потом — ударить.

Это было грязно. Это было подло. Это было не в её правилах. Но у неё не было выбора. Или это, или провести остаток жизни в этой золотой клетке.

Она начала действовать.

На шестнадцатый день она впервые пришла на ужин. Не потому, что он позвал. Потому что решила. Она надела рубашку, которую он оставил. Кожаную. Удобную. И пришла в зал. Он сидел один. Смотрел в тарелку. Когда она вошла, поднял голову. В его глазах вспыхнуло что-то. Удивление. Настороженность. Надежда.

— Ты пришла, — сказал он.

— Я проголодалась, — ответила она. — И устала есть в одиночестве.

Он ничего не сказал. Просто кивнул. Она села. Напротив. Взяла хлеб. Начала есть. Он смотрел. Она — нет. Она смотрела в тарелку. Но чувствовала его взгляд. Горячий. Тяжё-

лый. Голодный.

— Ты читаешь, — сказал он. — Каждый день.

— Да.

— Нашла что-нибудь?

— Многое.

— Например?

Она подняла глаза. Посмотрела на него. Прямо. Без страха.

— Например, то, что ты — последний, — сказала она. — Что твой род вымер тысячу лет назад. Что ты живёшь здесь один. Всё это время.

Он замер. Его лицо не изменилось. Но что-то в глазах — что-то тёмное, глубокое — дрогнуло. Он отложил вилку. Медленно. Посмотрел на неё. Долго.

— И что это меняет? — спросил он.

— Не знаю, — честно сказала она. — Но это что-то меняет.

Он молчал. Она тоже. Тишина между ними была густой, как мёд. Тяжёлой, как камень. Она не отводила глаз. Он — тоже.

— Я не хочу, чтобы ты видела во мне чудовище, — сказал он наконец. — Но я не могу притворяться человеком. Я — дракон. Я — огонь. Я — смерть. Это моя природа. Я не могу её изменить.

— Я не прошу тебя меняться, — сказала она. — Я прошу тебя не врать.

— Я не вру.

— Тогда скажи мне. Зачем тебе я? Не для долга. Не для мести. Не для силы. Зачем?

Он смотрел на неё. И в его взгляде было что-то, от чего у неё перехватило дыхание. Что-то, что она не хотела видеть. Что-то, что пугало больше огня.

— Потому что ты — первая, кто смотрит на меня и видит не монстра, — сказал он тихо. — Первая, кто не отводит глаз. Первая, кто говорит со мной, как с равным. Я не знаю, что это. Не знаю, как это назвать. Но я хочу, чтобы это осталось. Вот зачем.

Изабелла почувствовала, как что-то внутри неё сжимается. Что-то, что она давно похоронила. Что-то, что она не хотела чувствовать. Она отвела взгляд. Впервые. И он это заметил.

— Ты боишься, — сказал он.

— Нет.

— Боишься. Не меня. Себя. Я вижу.

Она встала. Резко. Стул отъехал с грохотом. Она смотрела на него сверху вниз. И в её глазах был лёд. Тот самый лёд, который она оттачивала годами. Тот самый, который спасал её. Тот самый, который она теперь направляла на него.

— Не смей, — сказала она. — Не смей говорить мне, чего я боюсь. Ты не знаешь меня. Ты не знаешь, через что я прошла. Ты — дракон. Ты жил тысячу лет. А я — человек. Я жила в аду каждый день своей жизни. И я всё ещё стою.

Так что не смей говорить мне о страхе.

Она развернулась. Пошла к выходу. Он не окликнул её. Не остановил. Она вышла в коридор. Прислонилась к стене. Закрыла глаза. Дыхание сбилось. Сердце колотилось.

Он был прав. Она боялась. Но не его. Себя. Того, что начинала чувствовать. Того, что не хотела чувствовать. Того, что делало её слабой.

Она вернулась в библиотеку. Села за стол. Открыла трактат. Нашла страницу о сердце. Перечитала. Медленно. Внимательно. Потом закрыла книгу. Отложила.

Она не могла это сделать. Не сейчас. Может, никогда. Но пари есть пари. Она должна попытаться. Даже если это разобьёт её. Даже если это убьёт её. Она должна.

На семнадцатый день она начала.

Она пришла к нему сама. Впервые. Постучала в дверь его покоев. Он открыл. Удивлённый. Растрёпанный. Словно только что встал. Она посмотрела на него. И улыбнулась. Впервые. Настоящей улыбкой.

— Я хочу поговорить, — сказала она. — Не о долге. Не о пари. Просто поговорить.

Он отступил. Пропустил её. Она вошла. Осмотрелась. Его комната была простой. Кровать. Стол. Книги. Никаких сокровищ. Никакой роскоши. Только необходимое. Она села в кресло. Он — напротив. Смотрел на неё. Настороженно. Но с надеждой.

— О чём ты хочешь поговорить? — спросил он.

— О тебе, — сказала она. — Расскажи мне. О своей жизни. О том, что было. До меня.

Он молчал. Долго. Потом начал говорить. Медленно. Сначала — неохотно. Потом — всё более открыто. О войнах. О потерях. О том, как его род умирал. Один за другим. О том, как он остался один. Совсем один. На тысячу лет. Он говорил, и его голос менялся. Становился мягче. Живее. Человечнее.

Изабелла слушала. Смотрела на него. И чувствовала, как её план — её грязный, подлый план — становится всё труднее. Потому что он был не монстром. Не чудовищем. Он был таким же, как она. Сломанным. Одиноким. Ищущим.

Она ненавидела себя за это.

Когда он закончил, она встала. Подошла к нему. Близко. Очень близко. Он смотрел на неё снизу вверх. В его глазах — что-то. Надежда. Страх. Голод. Она наклонилась. Положила ладонь на его щёку. Тёплую. Обжигающую.

— Спасибо, — сказала она. — За то, что рассказал.

Он закрыл глаза. Прижался к её ладони. Как зверь, который впервые в жизни чувствует ласку. Изабелла почувствовала, как что-то внутри неё ломается. Что-то, что она не хотела ломать. Она убрала руку. Отступила. Пошла к двери.

— Изабелла, — позвал он.

Она обернулась.

— Ты что-то задумала, — сказал он. Не вопрос. Утверждение.

Она не ответила. Просто вышла. Закрыла дверь. Прислонилась к ней спиной. Закрыла глаза. Дыхание сбилось. Сердце колотилось. Она не могла это сделать. Не могла. Но она должна. Ради себя. Ради свободы. Ради всего, что она потеряла.

Она вернулась в свою комнату. Села на пол. Прислонилась к стене. И начала плакать. Снова. Тихо. Беззвучно.

На восемнадцатый день она пошла в библиотеку. Взяла трактат. Нашла страницу. Перечитала. Потом закрыла книгу. Отложила. Посмотрела на свечу. Огонь танцевал. Живой. Тёплый. Опасный.

Она не могла это сделать. Не потому, что не хотела. Потому что не могла. Он был не монстром. Он был человеком. И она не могла убить человека. Даже ради свободы.

Она вернулась в зал. Он сидел там. Один. Смотрел на огонь. Когда она вошла, поднял голову. В его глазах — вопрос. Она подошла. Села напротив. Посмотрела на него.

— Я не могу, — сказала она.

— Что не можешь?

— Убить тебя.

Он смотрел на неё. Долго. Потом улыбнулся. Не зло. Не насмешливо. Просто улыбнулся. Устало. Понимающе.

— Я знаю, — сказал он.

— Ты знал?

— Я видел. Как ты смотришь. Как ты читаешь. Как ты думаешь. Я знал, что ты не сможешь.

— Тогда зачем пари?

— Потому что я хотел, чтобы ты поняла, — сказал он. — Ты не убийца. Ты не жестокая. Ты — ледяная снаружи. Но внутри — огонь. Такой же, как у меня. Только ты его боишься.

Она смотрела на него. И в этот момент что-то внутри неё сломалось. Что-то, что она держала годами. Стена. Лёд. Броня. Всё это рухнуло. Не сразу. Медленно. Трещина за трещиной. Она почувствовала, как по щеке скатилась слеза. Одна. Единственная. Она не вытирала её. Не прятала. Просто смотрела на него.

Он встал. Подошёл. Опустился на колени перед ней. Взял её руки. Своими. Горячими. Обжигающими. Посмотрел в её глаза.

— Пари закончилось, — сказал он. — Ты проиграла. Ты должна мне ужин.

— Я знаю, — прошептала она.

— Но я не буду требовать его, — сказал он. — Я не буду требовать ничего. Ты свободна. Ты можешь уйти. Сегодня. Сейчас. Я не буду тебя держать.

Она смотрела на него. На его руки. На его глаза. На его лицо. И понимала, что не хочет уходить. Не потому, что не может. Потому что не хочет.

— Я не хочу уходить, — сказала она.

Он замер. Его глаза расширились. Что-то в них вспыхнуло. Что-то, чего она не видела раньше. Надежда. Настоящая.

Огромная. Опасная.

— Тогда останься, — сказал он. — Не как пленница. Не как гостья. Как… как ты хочешь.

Она молчала. Долго. Потом наклонилась. Коснулась губами его лба. Мягко. Нежно. Впервые. Он закрыл глаза. Дрожь прошла по его телу. Она почувствовала это. Всем собой.

— Я останусь, — сказала она. — Но не потому, что ты просишь. Потому что я хочу.

Он открыл глаза. Посмотрел на неё. И в этом взгляде было всё. Боль. Надежда. Страх. Любовь. Она видела это. И не отводила глаз.

В этот момент между ними что-то изменилось. Что-то, что нельзя было отменить. Что-то, что нельзя было забыть. Трещина стала шире. Лёд треснул. Огонь вспыхнул. И они оба это чувствовали.

Она встала. Протянула ему руку. Он взял. Поднялся. Они стояли. Близко. Очень близко. Смотрели друг на друга. И молчали.

А потом она сказала:

— Ужин. Завтра. Я приготовлю сама.

Он улыбнулся. Широко. Искренне. Как мальчишка.

— Я буду ждать, — сказал он.

Она кивнула. Пошла к двери. У порога обернулась.

— Ардрех.

— Да?

— Спасибо. За то, что не заставил меня стать убийцей.

Он ничего не сказал. Просто смотрел ей вслед. Когда дверь закрылась, он сел в кресло. Закрыл лицо руками. И впервые за тысячу лет — заплакал. Тихо. Беззвучно. От облегчения. От надежды. От того, что она осталась.

А Изабелла шла по коридору. И впервые за долгое время — улыбалась. Не потому, что было хорошо. Потому что было честно. Потому что она не сломалась. Потому что она выбрала. Сама. Впервые в жизни.

Она не знала, что будет дальше. Не знала, чем это закончится. Но она знала одно. Она больше не одна. И это было страшнее, чем всё, что она пережила.

Но она справится. Она всегда справлялась.

Глава 7. Совместный ужин

Изабелла не спала всю ночь.

Она лежала на полу у окна, завернувшись в плащ, и смотрела, как багровый свет лавы пульсирует на потолке. Мысли крутились в голове, как звери в клетке. Она осталась. Сама. Добровольно. Не потому, что не могла уйти. Потому что не хотела. Это слово — «хотела» — было самым страшным. Оно означало, что она потеряла контроль. Что что-то внутри неё — что-то, что она держала в цепях годами — вырвалось на свободу.

Она села. Резко. Сон не шёл. Тело гудело от усталости, но разум был ясен, как никогда. Она встала. Умылась ледяной водой. Посмотрела на себя в зеркало. Бледная. С тёмными кругами под глазами. Но живая. Настоящая.

Она надела рубашку, которую он оставил. Кожаную. Мягкую. И вышла из комнаты.

Кухня находилась в самом низу замка. Глубоко в скале, там, где жар от лавы был невыносимым. Изабелла нашла её по запаху — пряности, дым, что-то мясное. Дверь была приоткрыта. Внутри суетились дракониды. Трое. С янтарными глазами и гладкой кожей. Они готовили. Молча. Сосредоточенно. Когда она вошла, все трое замерли.

— Леди Изабелла, — старший из них, мужчина с седыми волосами и шрамом через лицо, поклонился. — Владыка не

предупреждал о вашем визите.

— Он не знает, — сказала она. — Я хочу приготовить ужин. Сама.

Дракониды переглянулись. Шрам на лице старшего дёрнулся.

— Это… необычно, — сказал он осторожно. — Владыка предпочитает, чтобы еду готовили мы. Это наша обязанность. Наша служба.

— Я понимаю, — Изабелла прошла вглубь кухни. Осмотрелась. Столы, разделочные доски, ножи, котлы. Всё было чистым. Упорядоченным. — Но сегодня я хочу сделать это сама. Это не приказ. Это просьба. Вы можете мне помочь? Показать, где что лежит?

Старший смотрел на неё долго. Потом кивнул.

— Меня зовут Тарх, — сказал он. — Я распоряжаюсь кухней. Если вы позволите, я останусь и помогу. Не потому, что не доверяю. Потому что здесь много опасных вещей. Огонь. Кипящее масло. Ножи.

— Хорошо, — Изабелла кивнула. — Тарх. Покажи мне, что есть.

Он показал. Мясо. Овощи. Травы. Специи. Она выбрала простое. Тушёное мясо с кореньями. Хлеб. Вино. Ничего изысканного. Ничего показного. Просто еда. Настоящая.

Она начала готовить. Тарх стоял рядом. Наблюдал. Иногда подсказывал. Иногда просто молчал. Изабелла резала овощи. Медленно. Аккуратно. Она не готовила с детства. С тех

пор, как умерла мать. Тогда, в Штольце, у неё были слуги. Потом — обязанности. Потом — лёд. Она забыла, как это — держать нож не для защиты. Как это — создавать, а не разрушать.

Руки помнили. Пальцы двигались сами. Морковь. Лук. Чеснок. Трава. Всё в котёл. Огонь под ним — живой, танцующий — нагревал воду. Запах поднимался. Тёплый. Домашний. Изабелла закрыла глаза. На секунду. Всего на секунду. И почувствовала, как что-то в груди сжалось. Что-то, что она давно не чувствовала. Покой.

— Вы хорошо готовите, — сказал Тарх тихо. — Для леди.

— Я не всегда была леди, — ответила она. — Когда-то я была просто девочкой. Которая любила помогать матери на кухне. Потом мать умерла. И всё изменилось.

Тарх молчал. Потом сказал:

— Владыка тоже изменился. После вас.

Изабелла замерла. Нож остановился в воздухе.

— Что ты имеешь в виду?

— Он перестал смотреть в окно, — сказал Тарх. — Раньше он часами стоял у восточного окна. Смотрел на горы. Молчал. Теперь он смотрит на дверь. Ждёт. Каждую ночь. Мы все это видим.

Изабелла отвернулась. Продолжила резать. Но руки дрожали. Едва заметно. Она надеялась, что Тарх не заметил. Он заметил. Но ничего не сказал.

Когда всё было готово, она отнесла еду в малый зал. Не

тот, где они ели обычно. Меньше. Уютнее. Камин. Стол на двоих. Свечи. Она расставила тарелки. Разлила вино. Посмотрела на стол. Просто. Честно. Так, как она хотела.

Потом пошла за ним.

Она нашла его в библиотеке. Он сидел за столом. Перед ним лежала книга. Та самая. Трактат по убийству драконов. Он не читал. Просто смотрел на страницы. Когда она вошла, поднял голову. В его глазах — усталость. И что-то ещё. Что-то, что она не могла назвать.

— Ты пришла, — сказал он.

— Ужин готов, — сказала она. — Идём.

Он встал. Медленно. Пошёл за ней. Молча. Они шли по коридорам. Рядом. Не касаясь. Но близко. Так близко, что она чувствовала его жар. Его запах. Дым. Металл. Что-то ещё. Что-то, что было только его.

В малом зале он остановился. Посмотрел на стол. На две тарелки. На свечи. На вино. Потом на неё.

— Ты сделала это сама? — спросил он.

— Да.

— Почему?

— Потому что хотела, — сказала она. — Садись.

Он сел. Она — напротив. Взяла вилку. Начала есть. Он смотрел. Не притрагивался к еде. Просто смотрел. И в его взгляде было что-то, от чего у неё сжималось сердце. Не голод. Не желание. Что-то другое. Что-то глубже.

— Ешь, — сказала она. — Остынет.

Он взял вилку. Попробовал. Медленно. Прожевал. И закрыл глаза.

— Вкусно, — сказал он тихо. — Очень.

— Это просто мясо с овощами.

— Нет, — он открыл глаза. Посмотрел на неё. — Это не просто. Это… это первый раз, когда кто-то готовил для меня. За тысячу лет. Первый раз.

Изабелла замерла. Вилка остановилась на полпути ко рту. Она смотрела на него. На его лицо. На то, как он смотрит на еду. Как будто это было чудо. Как будто это было сокровище. Как будто это было что-то, чего он никогда не видел.

— Ты никогда… — начала она. — За тысячу лет? Никто?

— Никто, — сказал он. — Драконы не готовят друг для друга. Мы едим. Мы выживаем. Но это… это другое. Это… забота. Тепло. Я не знал, что это так… — он замолчал. Подбирал слово. — Так нужно.

Изабелла отложила вилку. Посмотрела на него. Долго. Потом сказала:

— Я тоже давно ни для кого не готовила. С тех пор, как умерла мать. Я забыла, как это. Заботиться. О ком-то. Кроме себя.

Он смотрел на неё. И в его глазах — золотых, тёплых, живых — что-то дрогнуло. Что-то, что она видела впервые. Уязвимость. Настоящую. Не ту, что он показывал раньше. Не маску. Не игру. Просто он. Голый. Открытый. Настоящий.

— Расскажи мне о ней, — сказал он. — О твоей матери.

Изабелла молчала. Долго. Очень долго. Она не говорила о матери. Ни с кем. Никогда. Это было её. Личное. Святое. Больно. Но сейчас… сейчас она хотела. Впервые. Она хотела, чтобы кто-то знал.

— Она была красивой, — начала Изабелла тихо. — Волосы — как лён. Глаза — серые. Как у меня. Она смеялась… она смеялась так, что весь дом наполнялся светом. Даже в самые тёмные дни. Даже когда отец приходил пьяным. Даже когда зима не кончалась по полгода. Она находила что-то хорошее. В каждом дне. В каждом человеке. В каждой мелочи.

Она замолчала. Смотрела в тарелку. Не видела её. Видела мать. Улыбку. Руки. Как она расчёсывала ей волосы перед сном. Как пела. Как учила. Как любила.

— Она заболела, — продолжила Изабелла. — Зимой. Сильно. Лихорадка. Жар. Отец послал за лекарем. Но лекарь приехал слишком поздно. Или слишком рано. Я не знаю. Я была маленькой. Я сидела у её постели. Держала её за руку. Она смотрела на меня. И улыбалась. Даже тогда. Даже когда ей было больно. Она сказала… она сказала: «Изабелла, не позволяй миру сделать тебя холодной. Оставайся тёплой. Обещай мне».

Изабелла замолчала. В горле стоял ком. Она не плакала. Не позволяла себе. Но голос дрожал. Едва заметно.

— Я не сдержала обещание, — сказала она. — Я стала холодной. Ледяной. Я не позволила себе чувствовать. Потому что чувствовать — это больно. А я не хотела боли. Я хотела

выжить.

Она подняла глаза. Посмотрела на него. Он смотрел на неё. И в его глазах была не жалость. Не сочувствие. Понимание. Он знал. Он тоже потерял всех. Он тоже стал холодным. Он тоже выживал.

— Ты сдержала, — сказал он тихо. — Ты здесь. Ты готовишь. Ты говоришь со мной. Ты не холодная. Ты просто… ты прячешься.

Изабелла смотрела на него. И в этот момент что-то внутри неё — что-то, что она держала в самом тёмном углу — вырвалось. Слёзы. Первая. Потом вторая. Она не вытирала их. Не прятала. Просто сидела и смотрела на него. И плакала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.